

История ислама: генезис и эволюция

DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-2-235-244](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-235-244)

УДК 297(091)

ВАК 07.00.03

К вопросу о влиянии исламской традиции на вероучение Бахауллы

А. В. Мартыненко

Мордовский государственный педагогический институт,
г. Саранск, Российская Федерация, arkanaddin@mail.ru

Аннотация: в статье анализируется влияние исламской традиции (доктринальной, культурной) на религиозную общину бахаи, которая зародилась в Каджарском Иране и сформировалась на территории Османской империи (Ирак, Палестина) во второй половине XIX в. В методологическом плане статья опирается на цивилизационный подход, акцентирующий внимание исследователя на социокультурных аспектах заявленной проблемы. В ходе исследования были получены следующие результаты. Прежде всего, проанализировано доктринальное влияние исламской (в частности, шиитской и суфийской) традиции на вероучение Бахауллы, которое проявилось в его произведениях, таких как «Китаб-и-Иган» («Книга несомненности») и «Хафт вад» («Семь долин»). Кроме того, в статье прослеживается влияние традиций исламской каллиграфии на творчество Мишкин-Калама (одного из ближайших соратников Бахауллы). Основной вывод статьи заключается в том, что влияние ислама на учение и культуру ранней общины бахаи было достаточно значительным.

Ключевые слова: бахаи; ислам; каллиграфия; культурное влияние; суфии; шииты

Для цитирования: Мартыненко А. В. К вопросу о влиянии исламской традиции на вероучение Бахауллы. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):235–244. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-2-235-244](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-235-244).

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнёров по сетевому взаимодействию (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева) по теме «Русско-иранские торгово-экономические и межкультурные связи в преподавании истории в российских вузах».

On the issue of the influence of the Islamic tradition on the teachings of Baha'u'llah

Alexander V. Martynenko

Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk, Russian Federation, arkanaddin@mail.ru

Abstract: the article analyzes the influence of the Islamic tradition (doctrinal, cultural) on the religious community of the Bahá'ís, which borned in the Qajar Iran and was formed on

the territory of the Ottoman Empire (Iraq, Palestine) in the second half of the XIX century. In the methodological aspect, the article is based on a civilizational approach that emphasizes the researcher's attention to the sociocultural aspects of the stated problem. The following results were obtained during the study. First of all, the doctrinal influence of the Islamic (in particular, Shiite and Sufi) traditions on the doctrine of Bahá'u'lláh, which manifested itself in his works such as «Kitab-i-Igan» («The Book of Certitude») and «Haft Wadi» («The Seven Valleys»). In addition, the article traces the influence of the traditions of Islamic calligraphy on the work of Mishkin-Kalam (one of the closest adepts of Bahá'u'lláh). The main conclusion of the article is that the influence of Islam on the teachings and culture of the early Bahá'í community was quite significant.

Keywords: Bahá'í Faith calligraphy; Islam; Shi'ah; Sūfī; cultural influence

For citation: Martynenko A. V. On the issue of the influence of the Islamic tradition on the teachings of Baha'u'llah. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(2):235–244. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-2-235-244](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-2-235-244).

Acknowledgements: This work was supported by a grant for research work on priority areas of scientific activity of partner universities on network interaction (the South Ural State Humanitarian Pedagogical University and Mordovian State Pedagogical Institute) on the topic «Russian-Iranian trade, economic and intercultural ties in teaching history in Russian universities».

Введение

Международное религиозное движение бахаи, adeпты которого предпочитают называть своё сообщество «верой бахаи» (англ. *Baha'i Faith*), с исторической точки зрения является очень молодым. Как отдельное религиозное течение бахаи сформировалось в 60–90-е годы XIX в. Имея персидское происхождение и будучи доктринально и организационно связанной с так называемыми «бабидскими восстаниями», произошедшими в Каджарском Иране в 1848–1852 гг., единая религиозная община бахаи складывалась уже на территории Османской империи – сначала в Ираке (Багдаде), затем в Палестине. Изначально бахаи были неразрывно связаны с миром персидского шиизма и, в меньшей степени, мистицизма-тасаввуф, но постепенно заявили о себе как о некоей самостоятельной религиозной системе, с собственным вероучением и культом – системе, которая бесконечно далеко отошла и от шиизма в частности и от мусульманских традиций в целом. Любопытно, что, по негласной традиции, статьи о бахаи присутствуют во многих справочных изданиях по исламу [1, p. 100–101], но с обязательной оговоркой, что это уже не ислам. Это подчёркивают и декларируют сами бахаи, позиционируя себя едва ли не как «новую мировую религию». Так, Мэри Перкинс и Филипп Хейсворт – авторы популяризаторской книги по бахаи и сами бахаи по вероисповеданию – дистанцируются от ислама и одновременно проводят прямые аналогии между своей общиной и ни много ни мало христианством: «Несмотря на то что бахаизм зародился в Иране, мусульманской стране, он в такой же степени отличается от ислама, в какой христианство отличается от иудаизма» [2, с. 1].

Такую точку зрения в принципе разделяют и светские учёные-востоковеды. Например, выдающийся советский арабист и исламовед Е. А. Беляев по данному поводу отмечал: «В настоящее время идеология бехаитских (бехаиты, бехаизм – принятая в имперском и советском исламоведении транслитерация названия «бахай». – А. М.) общин настолько далеко отошла от ислама, что почти ничего общего с этой религией не имеет» [3, с. 99].

Наконец, данное отличие признают и мусульмане, которые относятся к бахай как к своеобразным «заблудшим», «куфр»: в их глазах первые поколения бахай – это люди, отрёкшиеся от исламской веры и потому заслуживающие осуждения и порицания. Именно поэтому история бахай в отдельных странах сопровождалась ограничениями и преследованиями: от запретов на заключение браков бахай в Египте 1920-х годов до полного разгрома их общины в Иране 1980-х годов.

Но в то же время множеством нитей – смысловых и даже визуальных – религиозное течение бахай, особенно в начале своего становления, было связано с исламской традицией. Некоторые из этих связей можно найти и в современном сообществе бахай.

Обзор литературы

Статья опирается на работы основателя общины бахай – Бахауллы ([4–7] и др.), а также отдельных современных авторов-бахай ([2; 8]). Что касается историографии по религии бахай, то она развивалась в основном в отечественном исламоведении: зародившись в Российской империи конца XIX – начала XX в., прошла путь от критики советских авторов с позиций марксистского «классового подхода» (от которого, как известно, «доставалось» всем религиям и конфессиям) до попыток объективного анализа данного религиозного феномена в постсоветской России. Одну из таких попыток предпринял в своём монографическом исследовании по бахай и автор данной статьи.

Методы

В методологическом плане статья опирается на цивилизационный подход, теоретические основы которого были изложены в философско-исторических трудах Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби. Данный подход акцентирует внимание исследователя на социокультурных аспектах анализируемой здесь проблемы и позволяет трактовать воздействие исламской традиции на религию бахай как проявление цивилизационных, культурных влияний на изучаемый феномен.

Результаты

Прежде всего, конечно, стоит обратить внимание на строгий монотеизм вероучения бахай, трактовка которого гораздо ближе к мусульманскому пониманию единобожия, нежели к христианскому с его догматом о Троице.

Основатель этой общины, персидский аристократ и проповедник Мирза Хусейн Али Нури (1817–1892), провозгласивший себя в 1863 г. новым пророком под именем «Бахаулла» (перс. «Сияние Бога»), в одной из своих работ – «Сокровенные слова» – говорит о могуществе единого Бога, непостижимом для простых смертных: «Поистине слушай: никогда не познать земному оку вечной Красоты» [6, с. 17].

В проповеди Бахауллы часто переплетаются мотивы божественной любви к сотворённому миру и человеческого самоотречения и смирения во имя Бога: «Сокровенной в Моём предвечном Существове была любовь Моя к тебе, поэтому сотворил Я тебя, дал тебе Мой образ и подобие, и открыл тебе благолепие Лика Моего. < ... > Я возлюбил творение твоё, и поэтому создал тебя. Возлюби же Меня, да упомяну тебя и исполню душу твою духом жизни. < ... > Если ты любишь непреходящее владычество и бессмертную вечную жизнь, отрекись от сего тленного мира. < ... > Не сокрушайся в бедности и не полагайся на богатство, ибо бедность следует за богатством, а богатство за бедностью. Освободись от привязанности к богатству и вступи с полным спокойствием в царство бедности, да приобщишься вина жизни бессмертной от источника отречения» [6, с. 6, 12, 24–25].

Представление о цикличности человеческой истории, подразделяющее её на эпохи, каждой из которых соответствует свой пророк, свойственно для ряда течений шиизма. Достаточно вспомнить «семь эпох» в эзотерической доктрине *хакаик* (араб. «истины») исмаилитов. Эта идея, через учение упомянутых выше бабидов, была воспринята и Бахауллой, который в своём богословском труде *Ketab-i-Iqan* (перс. «Книга несомненности») много говорит о пророках, например: «Тебе ясно и очевидно, что все пророки это Храмы Дела Бога, который проявляется в различных одеяниях» [4, р. 98]. С этим тезисом связан призыв Бахауллы к межрелигиозной толерантности: «О люди! Обращайтесь с последователями всех религий в духе братства и дружелюбия!» [7, р. 22]. Соответственно, в *Ketab-i-Iqan* Бахаулла утверждает, что количество истинных пророков в истории человечества является ограниченным: «Чрезмерное увеличение Его избранных далеко от Его славы!» [4, р. 23].

В связи с этим бахаи исходят из того, что последним истинным пророком является как раз Бахаулла, призвавший человечество к созданию единой, общепланетарного масштаба, государственности (так называемого «нового мирового порядка»). Последнее, безусловно, противоречит традиционной и очень важной в исламе трактовке Мухаммада как последнего пророка, «хатм ан-наби» (араб. «печать пророков»). В упомянутой «Книге несомненности», обосновывая свою «пророческую миссию», Бахаулла приводит довод, согласно которому «печать пророков» трактуется не как обозначение последнего Божьего посланника в человеческой истории, но как некое «божественное просветление» [4, р. 104–105].

Отметим, что похожей трактовки придерживается религиозная община ахмади (кадиани), сформировавшаяся на территории Британской Индии фак-

тически в тот же период, что и бахаи, и также почитающая своего основателя – проповедника Мирзу Гулама Ахмада (1835–1908) как пророка [см., напр.: 9]. Правда, в отличие от бахаи, ахмади считают себя не самостоятельной религией, а приверженцами «истинного», с их точки зрения, ислама, к тому же возродившего институт халифата как действующий (резиденция нынешнего ахмадийского халифа находится в Лондоне) [10]. Соответственно, в исламском мире отношение к ахмади такое же негативное, как и к бахаи (во многих мусульманских работах они ставятся в один ряд): например, в Пакистане им запрещено называть себя мусульманами под угрозой уголовного преследования [11].

Что касается бахаи, то ислам буквально пронизывает все стороны формирования этой общины, вышедшей из недр персидского шиизма. Достаточно вспомнить, что первые бахаи, включая их лидера, сами были мусульманами, прежде чем отделиться в новую конфессию.

Именно поэтому Бахаулла в ряде своих произведений, так или иначе, апеллирует к различным шиитским текстам, в том числе к фундаментальному собранию хадисов «Бихар аль-Анвар» (араб. «Моря светов»), который был составлен крупным факихом джафаритского мазхаба по имени Мухаммад Бакир ибн Мухаммад Исфакхани Маджлиси (1627–1698) [4, р. 154–162]. В системе образов, к которым обращается Бахаулла, важную роль играют шиитские имамы, в том числе Хусейн ибн Али (626–680) [4, р. 82–83], младший внук Пророка ислама, мученическая гибель которого имеет огромное и принципиальное значение в шиитском этосе (то есть «стиле жизни» и иерархии ценностей).

Другой пласт исламского влияния на раннюю доктрину бахаи образует мусульманский мистицизм (тасаввуф, суфизм). Бахаулла не только слыл знатком персидской и арабской мистической поэзии, но поддерживал личные контакты с отдельными современными ему суфийскими подвижниками.

Пожалуй, самым ярким и известным подтверждением суфийского влияния на доктринальный комплекс бахаи стала поэма «Семь долин» (*Хафт вади*) [5], созданная Мирзой Хусейном Али Нури ещё до того, как он провозгласил себя Бахауллой. Он написал это произведение в 1856 г., на начальном этапе своего пожизненного изгнания из Персии, вскоре после возвращения в Багдад из добровольного отшельничества в горах Иракского Курдистана. Поэма представляет собой прямое, хотя и творчески переработанное, заимствование из средневекового текста на персидском языке «Послания о птицах» (*Рисалат ат-тайр*) [12] великого представителя фальсафы Абū ‘Али Ибн Сины (980–1037). В основе сюжета, вдохновившего Бахауллу, лежит повествование о странствовании человеческих душ по неким трансцендентным мирам в поисках Бога. От Ибн Сины, представившего души в виде птиц, этот мистический мотив «кочует» из одной поэмы в другую: к нему обращались и суфийский мыслитель Фарид ад-Дин ‘Аттар (1145–1221), и родоначальник чагатаидской (средневековой узбекской) поэзии Мир Алишер Навои (1441–1501). Сюжет

меняется по форме, но не по сути и, по словам выдающегося советского исламоведа Е. Э. Бертельса, «претерпевая различные изменения, доживает до XIX века, когда служит канвой для ранней и малоизвестной поэмы основателя бехаизма Бахауллы “Семь долин” (*Хафт вади*)» [13, с. 248]. Примечательно, что в многовековом споре двух классических суфийских концепций – *вахдат аль-воджуд* (единства бытия) и *вахдат аш-шухуд* (единства созерцания) – Бахауллы в своей поэме придерживается первой, фактически выдерживая линию суфийского пантеизма, например: «Существует только Бог; Он есть во всем и все сущее есть в Нём» [5, с. 51]. Кроме того, в тексте своих «Семи долин» основатель «веры бахаи» непосредственно упоминает крупных духовных авторитетов персидского тасаввуфа, таких как упомянутый выше Аттар, а также Джалал ад-Дин Руми (1207–1273) [5, с. 20, 22]. В целом в *Хафт вади* звучит типичный для мусульманского мистицизма мотив *зохд* – осуждения мира и отречённости от мирского. Отметим, что этот мотив свойственен и другим, совершенно не родственным исламу восточным системам: примером может служить даосское понятие «превозмогания обыденности» (кит. «чао су»), согласно которому мудрец находится в мире и одновременно вне него, уподобляясь «дракону, парящему в облаках».

Обсуждение

Возвращаясь к теме исламского влияния на общину бахаи, необходимо отметить, что его можно проследить не только в учении и творчестве её основателя, но и на примере отдельных сподвижников Бахауллы.

Ярким образцом такого влияния был мастер каллиграфии Ага Хусейн Исфাহани (1826–1912) по прозвищу Мишкин-Калам (перс. «Благоухающее мускусом перо»), который входил в ближайшее окружение Бахауллы и в литературе бахаи почитается как один из его «апостолов» (рис. 1).

Как известно, каллиграфия занимает особое и по-своему уникальное место в традиционной исламской культуре, поскольку здесь объектом искусства стали арабские буквы, которые имеют совершенно особое значение – этими буквами людям был открыт Коран. Владение каллиграфическим

Рис. 1. Ага Хусейн Исфাহани (Мишкин-Калам)
Fig. 1. Aga Hussein Isfahani (Mishkin Qalam)

мастерством всегда наделяло человека в исламском сообществе особым статусом, в котором благочестие сочетались с признанной образованностью.

Таким человеком и был изначально Мишкин-Калам, в 1860-е годы примкнувший к самым ревностным приверженцам Бахауллы. И произошло весьма причудливое явление: он стал использовать приёмы визуальных образов традиционной исламской каллиграфии для пропаганды уже совсем другого вероучения – бахаи.

Например, многие каллиграфические образцы, выполненные Мишкин-Каламом, содержат образ птицы – петуха (рис. 2). Этот образ является достаточно распространённым не только в каллиграфии, но также в поэзии тасаввуф: так, великий Руми создал образ этой мистической птицы, крик которой есть не что иное, как ангельский призыв людей к пробуждению – призыв к Аллаху [8, р. 10].

Но у Мишкин-Калама этот образ несёт совершенно иную смысловую нагрузку: два «зеркально» отражающих друг друга петуха держат в когтях «Сокровенные слова», творение Бахауллы. К слову, сам Бахаулла в собственных трудах тоже обращался к образу священной птицы, говоря о своей «пророческой» миссии, например: «Клянусь Богом! Эта птица небес, сейчас пребывающая во прахе, может, вопреки другим мелодиям, пропеть мириады песен, и может, вопреки другим изречениям, открыть бесчисленные тайны» [4, р. 175]. Похожий образ сакральной птицы возникает в его послании «Лаух-и Хикмат» («Скрижаль мудрости»), в котором повествуется о пребывании основателя общины бахаи в городе-тюрьме Акко (Палестина, Османская империя, 1868–1892 гг.): «Как может Небесная Птица царить в атмосфере божественных тайн, когда крылья ее побиты камнями праздных измышлений и ненависти, когда она брошена в твердокаменную темницу?» [7, р. 139–140].

Рис. 2. Образец каллиграфии Мишкин-Калама

Fig. 2. Sample calligraphy of Mishkin Qalam

Другой пример каллиграфии Мишкин-Калама (рис. 3) представляет собой человеческий лик, «сложенный» из арабских букв. Это изображение соответствует суфийской концепции *хоруф* (араб. «буквы»), согласно которой в схематическом, «буквенном» начертании человеческого лица заключено имя Бога – Аллаха. Так, нос – это буква «алеф» (ا), две ноздри – две буквы «лам» (ل), глаза – «хайе-хаваз» (ه). Данную технику каллиграфического письма применил и Мишкин-Калам, однако в своё изображение он вложил имя «Бахауллы» [8, р. 14–18].

В целом творчество Мишкин-Калама, казалось бы, происходило в русле исламских традиций каллиграфии, но теперь прежние образы составили визуальный ряд для совсем другой религии.

Рис. 3. Образец каллиграфии Мишкин-Калама

Fig. 3. Sample calligraphy of Mishkin Qalam

Заключение

Таким образом, культурное влияние ислама на вероучительную доктрину бахаи, отдельные элементы их формирующейся культуры было достаточно значительным, особенно в конце XIX века, то есть в самом начале истории этой конфессии, возникшей в недрах шиитского мира Персии и превратившейся впоследствии в международное движение, уже не связанное с мусульманской цивилизацией.

Историческая судьба «веры бахаи» причудлива, поскольку в XX столетии небольшая община персидского происхождения трансформировалась в масштабное международное движение, пропагандирующее идею так называемого «нового мирового порядка» (англ. «the New World Order»), то есть объединения человечества в некое «планетарное» государство, с мировым правительством, единым языком общения и т. д. Бахаи, так или иначе, присутствуют в конфессиональном ландшафте большинства стран мира, а их численность колеблется от 5 до 7 млн человек.

Отдельной страницей их истории является распространение в России [14, с. 124–144], которое началось ещё в имперский период. Так, в 1880–1890-е гг. на территории Средней Азии и Закавказья возникли общины бахаи – в основном это были беженцы из Каджарской Персии. Их относительно благополучное существование было прервано советским периодом отечественной истории: к 1930-м гг. в ходе репрессий и депортаций бахаи как организованные сообщества верующих были полностью разгромлены в СССР. Их своеобразное

«возвращение» в нашу страну пришлось уже на годы «перестройки» и последующий, постсоветский период. Однако в современной Российской Федерации бахаи являются своеобразной «конфессией-невидимкой», почти неизвестной среднестатистическому российскому обывателю. Это и не удивительно: их общая численность в России едва достигает 4 тысяч человек... По мнению автора статьи, именно растущее влияние в сегодняшнем российском социуме традиционных религий, прежде всего – православного христианства и ислама суннитского толка, делает проповеди бахаи о грядущем «мировом государстве» малоэффективными и, следовательно, перспективы дальнейшего развития в Российской Федерации этого религиозного течения представляются весьма скромными.

Литература

1. Martin R. C. (ed.) *Encyclopedia of Islam and the Muslim World*. New York: Thomson Gale; 2003. 747 p.
2. Перкинс М., Хейнсворт Ф. *Бахаизм*. М.: Община бахаи Москвы; 1990. 63 с.
3. Беляев Е. А. *Мусульманское сектантство*. М.: Издательство восточной литературы; 1957. 100 с.
4. Бахаулла. *Китаб-и-Иган. Книга несомненности*. СПб.: Духовное собрание бахаи России; 2000. 214 с.
5. Бахаулла. *Семь долин. Хафт вади*. Hofheim-Langenhain: Baha'i Verlag GmbH; 1991. 66 с.
6. Бахаулла. *Сокровенные слова*. Hofheim-Langenhain: Baha'i Verlag GmbH; 1990. 30 с.
7. Baha'u'llah. *Tablets of Bahau'llah*. Haifa: Baha'i Publishing Trust; 1982. 269 p.
8. Badiee J. Q., Badiee H. The Calligraphy of Mishkin-Qalam. *The journal of baha'is studies*. 1991;3(4):1–22.
9. Dard A. R. *Life of Ahmad (a. s.), founder of Ahmadiyya Movement*. Tilford: Islam International Publications Ltd; 2008. 901 p.
10. Мартыненко А. В. Малоизвестная конфессиональная история России: бахаи и ахмади. «Белые пятна» российской и мировой истории. 2017;(4–5):36–52.
11. Мартыненко А. В. *Бахаи и ахмадийат: новые религиозные сообщества в контексте модернизации ислама (сравнительно-исторический анализ)*. Ульяновск: Ульяновский дом печати; 2005. 400 с.
12. Ибн-Сина. Послание о птицах. В: Шидфар Б. Я. *Ибн-Сина*. М.: Наука; 1981. С. 140–143.
13. Бертельс Е. Э. *Авиценна и персидская литература*. В: Бертельс Е. Э. История литературы и культуры Ирана. М.: Наука, 1988:241–256.
14. Мартыненко А. В. Бахаи в России. *Вестник Евразии*. 2006(1):124–144.

References

1. Martin R. C. (ed.) *Encyclopedia of Islam and the Muslim World*. New York: Thomson Gale; 2003.
2. Perkins M., Hainsworth P. *Bahaism*. Moscow: The Community of Bahai of Moscow; 1990. (In Russ.)

3. Belyaev E. A. *Muslim Sectarianism*. Moscow: Izdatelstvo vostochnoi literatury; 1957. (In Russ.)
4. Baha'u'llah. *Ketab-i-Iqan*. London: Baha'i Publishing Trust, 1982.
5. Baha'u'llah. *The Seven Valleys. Haft Wadi*. Hofheim-Langenhain: Baha'i Verlag GmbH; 1991.
6. Baha'u'llah. *Hidden Words*. Hofheim-Langenhain: Baha'i Verlag GmbH; 1990.
7. Baha'u'llah. *Tablets of Bahauallah*. Haifa: Baha'i Publishing Trust; 1982.
8. Badiee J. Q., Badiee H. The Calligraphy of Mishkin-Qalam. *The journal of baha'is studies*. 1991;3(4):1–22.
9. Dard A. R. *Life of Ahmad (a. s.), founder of Ahmadiyya Movement*. Tilford: Islam International Publications Ltd; 2008.
10. Martynenko A. V. A little-known confessional history of Russia: the Bahá'í Faith and Ahmadiyya. *"Belye pyatna" rossiiskoi i mirovoi istorii = "White Spots" of the Russian and World History*. 2017;(4–5):36–52. (In Russ.).
11. Martynenko A. V. *Bahá'ís and Ahmadiyyat: new religious communities in the context of modernization of Islam (comparative and historical analysis)*. Ulyanovsk: Ulyanovsk House of Printing; 2005. (In Russ.).
12. Ibn-Sina. Messages about birds (Risalat at-tayr). In: Shifdar B. Y. *Ibn-Sina*. Moscow: Nauka, 1981:140–143. (In Russ.).
13. Bertels E. E. Avicenna and Persian literature. In: Bertels E. E. *The History of Literature and Culture of Iran*. Moscow: Nauka, 1988:241–256. (In Russ.).
14. Martynenko A. V. Bahais in Russia. *Vestnik Evrazii*. 2006(1):124–144. (In Russ.).

Информация об авторе

Мартыненко Александр Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения, Мордовский государственный педагогический институт.

About the author

Alexander V. Martynenko, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of national and foreign history and methods of teaching, Mordovian State Pedagogical Institute.